

УДК 93

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ МЕЖДУ НАУКОЙ И ЭТНИЧНОСТЬЮ

Т. Г. Пашковская

*Кандидат философских наук, доцент,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова,
г. Магнитогорск, Челябинская область, Россия*

HISTORICAL NARRATIVE BETWEEN SCIENCE AND ETHNICITY

T. G. Pashkovskaya

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Chelyabinsk region, Russia*

Summary. This article deals with different historiographical traditions in order to determine their impact on the historical studies. Giving some examples of various historical works on Ancient Rome, written by German, Turkish and Russian researchers, the author proves that ethnicity is one of the key factors affecting the humanitarian knowledge and its results. It is also concluded that due to that fact the historical knowledge has some common points with a myth. However, it is essential to realize a positive role which this mythological element plays in the development of science. The point is that it is subconsciously used to fill the lacunas when there is some lack of data, what is more, it helps new knowledge go through the ethnic mentality and be inserted into the historical consciousness.

Keywords: historiography; ethnicity; mentality; historical science; historical studies;

Историческое знание, как часть культуры, не может быть организовано как некоторый независимый мир. Оно задается системой выработанных культурой ценностей, которые отражаются в результатах научной деятельности и оформляются в виде определенного стиля мышления [6, с. 6].

В исторической науке давно установлено, что историки некоторых стран (Германии, Турции) часто изображают мировую историю как военную историю, или как историю войн. Наиболее показательными в этом отношении являются «История Рима» Т. Моммзена, «Римские древности» Г. Б. Нибура, «История Александра Великого» и «История диадохов» И. Г. Дройзена. Несмотря на большое значение войн в истории, и в особенности древней истории, в этих работах роль военного фактора преувеличивается. Это подтверждается в результате сопоставления исследований по сходной тематике, написанных историками разных стран.

Сравнение работ немецкого историка «История Рима» Т. Моммзена [1] и советского историка Н. А. Машкина «История древнего Рима» [2], написанных на основе почти одних и тех же источников, иллюстрирует данный феномен. Так, две трети монографии Моммзена посвящено либо описанию военных действий,

либо подготовке к ним, а всё, что не относится к военной сфере, затрагивается лишь эпизодически. Критерием оценки любого императора Рима выступает его воинственность. Развитие культуры и искусства также рассматривается через призму войны. Например, к истокам римских танцев, музыки, пения и поэзии немецкий историк относит римские победные празднества, справляемые с древнейших времён после успешных военных действий. При условии, что события и процессы римской древности невозможно было описать по историческим источникам, Моммзен объяснял их военными факторами – вот иллюстрация функционирования этнического менталитета в роли смыслового контекста. В частности, историк, отмечая отсутствие достоверных сведений о возникновении латинских поселений в Лациуме, обуславливал это военно-стратегической целесообразностью и называл эти первые поселения «естественными укреплениями».

В отечественной историографии древнеримской истории военно-стратегический фактор не является столь значимым. Так, «История древнего Рима» Н. А. Машкина начинается с обстоятельной характеристики природных условий древней Италии. При описании

возникновения поселений в Лациуме, характеризуя факторы, повлиявшие на выбор места, историк пишет о плодородии почвы, богатой растительности и прекрасном климате, а процесс расселения латинов описывается как взаимная этнокультурная адаптация, ассимиляция, в результате которой постепенно формируется новый этнос. Примеров преувеличения и даже абсолютизации военного фактора в истории немецкими учёными можно привести огромное множество. Это, по сути, национальная черта немецкой историографии.

Определённое сходство с немецкой историографией обнаруживается при анализе произведений турецких историков. Д. Эссад в работе «Константинополь. От Византии до Стамбула» [3] излагает историю Стамбула с древнейших времён, где социальные, экономические и культурные аспекты византийской истории не рассматриваются или рассматриваются как нечто не существенное. С другой стороны, историками многих стран часто преуменьшается роль войны в общественном развитии. В частности, это характерно для швейцарской историографии, выделяющей в основном культурные факторы. Так, А. Мец в работе «Мусульманский Ренессанс», [4] анализируя историю исламского мира IX–XI вв., рассмотрел все аспекты социальной, политической, экономической и культурной жизни, за исключением одного – войны, хотя это было время бесконечных вторжений тюрок, изменивших мусульманскую цивилизацию в целом. Аналогичным образом Мец описывает образование персидской монархии, взятие Багдада в 945 г. – как абсолютно мирный процесс, не вызвавший ни одного значительного вооружённого столкновения.

Существует множество других примеров, иллюстрирующих этническую специфику историографических традиций. Так, исследователи голландского антиковедения отмечают «большой интерес к экономическим вопросам истории античности» [5, с. 316]. Даже в работах, посвящённых политическим процессам и религии, значительное место занимает анализ экономики, финансовой системы и торговли. Проблемы экономической истории являются объектом пристального внимания бельгийских и американских историков.

Продолжая перечень примеров, можно отметить, что для китайской историографической традиции характерно явное преувеличение роли правового, законодательного фактора в истории, для индийской историографии – религиозно-культурного и т. д.

Итак, национальные особенности историографии являются реальностью. Они возникают в результате синтеза научных принципов и этнических (культурных) ценностей, что, в какой-то степени, лишает историческое знание научного статуса и наделяет его чертами мифа. Однако именно эта обусловленность историографических оценок этнически окрашенными ценностями способствует вписыванию новых исследований в уже сложившуюся этническую картину мира.

Библиографический список

1. Моммзен Т. История Рима. – М.: АСТ, 2011. – 640 с.
2. Машкин Н. А. История древнего Рима. – М.: Высш. шк., 2006. – 753 с.
3. Эссад Дж. Константинополь. От Византии до Стамбула. – М.: Изд-во Сабашниковых, 1919. – 336 с.
4. Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: ВиМ, 1996.
5. Историография античной истории / отв. ред. В. И. Кузищин. – М.: Высшая школа, 1980. – 415 с.
6. Пашковская Т. Г. Культурно-исторические основания стиля научного мышления // *Sociosphere in the modern world: current problems and aspects of humanitarian comprehension: materials of the international scientific conference on May 7–8, 2015.* – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – P. 6–8.

Bibliograficheskiy spisok

1. Mommzen T. Istoriya Rima. – M.: AST, 2011. – 640 s.
2. Mashkin N. A. Istoriya drevnego Rima. – M.: Vyssh. shk., 2006. – 753 s.
3. Essad Dzh. Konstantinopol. Ot Vizantii do Stambula. – M.: Izd-vo Sabashnikovyyih, 1919. – 336 s.
4. Mets A. Musulmanskiy Renessans. – M.: ViM, 1996.
5. Istorografiya antichnoy istorii / отв. red. V. I. Kuzischin. – M.: Vysshaya shkola, 1980. – 415 s.
6. Pashkovskaya T. G. Kulturno-istoricheskie osnovaniya stilya nauchnogo myishleniya // *Sociosphere in the modern world: current problems and aspects of humanitarian comprehension: materials of the international scientific conference on May 7–8, 2015.* – Prague: Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociosfera-CZ». – P. 6–8.

© Пашковская Т. Г., 2015